

ВОСТОК-ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-2-125-141

EDN: GBMSWR

Научная статья / Research article

Идея халифата в контексте Первой мировой войны: диалог и противостояние Востока и Запада

С.А. Кириллина , А.Л. Сафронова , В.В. Орлов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

 kirillina@iaas.msu.ru

Аннотация. Значимость темы исследования предопределяется актуальностью халифатизма как феномена общественной мысли в истории ислама. Цель данного исследования — анализ региональной специфики восприятия института халифской власти в центре и на периферии исламского мира в ходе Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Военные неудачи Османской империи и торжество западных колониальных держав по-новому поставили перед мусульманскими мыслителями вопрос о контурах идеи общины-уммы как формы духовного и политического объединения правоверных. Авторы сосредоточили внимание на развернувшихся в этой связи дискуссиях о самой возможности единства уммы и перспективах халифата в изменившихся условиях мировой геополитики. В содержательном идейном диалоге защитников и противников османской власти проявились оригинальные модели «арабского халифата» и «османского халифата», позже противопоставленные халифатистами идеям секулярной государственности. Опираясь на материалы исторических источников, авторы проанализировали интеллектуальное творчество и политические позиции Мухаммада Рашида Риды (1865–1935), Али Баш Хамбы (1876–1918), Абул Калам Азада (1888–1958) и выявили эклектический характер их идеологических и политических реакций на ослабление власти османского султана-халифа. Доказано, что особенности традиционной политической культуры Ближнего Востока, Северной Африки, Южной Азии стали решающим фактором, обусловившим различную трактовку задач халифата в основных ареалах распространения

© Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ислама. Кроме того, уточнены характер и механизмы влияния османских разведывательных служб на развитие философско-идеологического оправдания халифской власти в среде мусульманских интеллектуалов.

Ключевые слова: халифат, младотурки, Первая мировая война, Ближний Восток, Северная Африка, Южная Азия

История статьи: Поступила в редакцию: 04.09.2023. Принята к публикации: 01.12.2023.

Для цитирования: *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Идея халифата в контексте Первой мировой войны: диалог и противостояние Востока и Запада // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 125–141. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-125-141>

The Idea of Caliphate in the Context of the World War I: Dialogue and Confrontation between East and West

Svetlana A. Kirillina , Alexandra L. Safronova , Vladimir V. Orlov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 kirillina@iaas.msu.ru

Abstract. The significance of the research topic is predetermined by the importance of Caliphatism as a phenomenon of social thought in the history of Islam. The purpose of this study is to analyze the regional specifics of the perception of the institution of Caliphal power in the center and on the periphery of the Islamic world during the First World War (1914–1918). The military failures of the Ottoman Empire and the triumph of the Western colonial powers forced Muslim thinkers to redefine the idea of the community (*ummah*) as a form of spiritual and political unification of the adherents of Islam. The authors focused on the ongoing discussions about the opportunities for Islamic unity and the prospects of the Caliphate in the changing conditions of world geopolitics. The original models of the “Arab Caliphate” and the “Ottoman Caliphate”, later opposed by the Caliphatists to the ideas of secular statehood, manifested themselves in the meaningful ideological dialogue between the defenders and opponents of the Ottoman government. Based on historical sources, the authors analyzed the intellectual work and political positions of Muhammad Rashid Rida (1865–1935), Ali Bash Hamba (1876–1918), Abdul Kalam Azad (1888–1958) and identified the eclectic nature of their ideological and political reactions to the weakening of the power of the Ottoman Sultan-Caliph. It is proved that the specific features of the traditional political culture of the Middle East, North Africa, and South Asia have become a decisive factor that led to a different interpretation of the tasks of the Caliphate in the main areas of Islam. In addition, the nature and mechanisms of the influence of the Ottoman intelligence services on the development of the philosophical and ideological justification of the Caliphal power among Muslim intellectuals have been clarified.

Keywords: Caliphate, Young Turks, World War I, Middle East, North Africa, South Asia

Article history: Received: 04.09.2023. Accepted: 01.12.2023.

For citation: Kirillina SA., Safronova AL., Orlov VV. The Idea of Caliphate in the Context of the World War I: Dialogue and Confrontation between East and West. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(2):125–141. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-125-141>

Введение

В первые десятилетия XX в., на заре формирования контуров современного исламского мира халифат¹ как политико-идеологический конструкт встал перед лицом двух вызовов со стороны колониальных европейских держав. В годы Первой мировой войны правительство Франции попыталось спроектировать подконтрольный ему «магрибинский халифат» на западе арабского мира, тогда как на Ближнем Востоке колониальная элита Великобритании планировала претворить в жизнь идею создания «арабского халифата», используя наработки арабских идеологов реформаторского или националистического толка и антиосманской направленности. Со своей стороны, османские власти в противостоянии британскому натиску сосредоточились на выстраивании линии обороны путем защиты законности и авторитета «османского халифата», век которого неминуемо подходил к концу².

Колониальный вызов предвоенных и военных лет поставил перед сложным выбором и жителей восточного крыла мусульманской ойкумены — индийских мусульман. На формирование их идентичности значительное воздействие оказали панисламские идеи, распространившиеся в южноазиатском регионе в последней четверти XIX в. Они помогали преодолеть комплекс отдаленности от традиционных центров мусульманской культуры на Ближнем и Среднем Востоке и утрянности некогда высокого статуса в самой Южной Азии во времена Делийского султаната и державы Великих Моголов [1].

Политическая «игра в слова»: национальное и религиозное содержание представлений о халифате

Султан Абдул-Хамид II (1842–1918), который на протяжении своего длительного правления (1876–1909 гг.) неизменно подчеркивал неизбывную значимость института халифата, применял для легитимации своей власти как падишаха и халифа все возможные средства, в том числе мощную общегосударственную пропагандистскую машину, лояльные исламские институты, включая корпус улама³ и суфийские братства, а также влиятельных интеллектуалов. Халифат служил основой для его генеральной стратегической установки на реализацию идеи единения ислама (*иттихад-и ислам*), основанной

¹ Халифат (араб. *аль-хилафа*) — государство, возглавляемое халифом. Халиф (араб. *халифа*) — первоначально титул светского и духовного главы арабского государства, позже — титул правителя, претендовавшего на роль главы мусульманского мира.

² Последний халиф из османской династии Абдул-Меджид II (1868–1944) заступил на этот пост в 1922 г., став после упразднения султаната единственным халифом в истории Османской империи, не носившим одновременно титул султана. Однако уже в 1924 г. декретом Великого национального собрания республиканской Турции халифат был упразднен, и Абдул-Меджид отправился в изгнание.

³ Араб. ‘улама’ (ед.ч. ‘алим) — мусульманские теологи, хранители религиозной традиции, блюстители канонического права.

на панисламской платформе и нацеленной на политическую и культурную интеграцию мусульман — как османских подданных, так и тех, кто проживал за пределами Османского государства [2. Р. 9–12; 3]. Не менее важным элементом стратегии Абдул-Хамида II в направлении сплочения *дар аль-ислама*⁴, узаконивания своего лидерства в мусульманском мире и укрепления ключевого для халифского звания статуса «хранителя двух священных запретных городов» (*хадим аль-харамайн аш-шарифайн*) Мекки и Медины стали его неустанные усилия по защите святой земли ислама в Западной Аравии. Это нашло выражение в строительстве Хиджазской железной дороги (1900–1908 гг.) — мегапроекта, воплощавшего панисламские амбиции султана и направленного на расширение хаджа, а также в наращивании инвестиций в экономику аравийской «колыбели ислама» (подробнее см.: [4; 5]).

Тот факт, что Абдул-Хамид II, задействовав институт халифата и умело маневрируя между европейскими державами, упорно продвигал идею исламского единения, вызывал в Европе все возрастающую обеспокоенность. При этом главным оппонентом османского султана-халифа выступила Великобритания, которая наряду с Францией рассматривала халифат как реальную угрозу своему колониальному присутствию в мусульманском мире.

В 1908 г. в Османской империи победила младотурецкая революция. В апреле 1909 г. Абдул-Хамид II был низложен и лишен сана халифа, а на его место заступил безвольный и апатичный Мехмед V Решад (1844–1918; даты правления: 1909–1918 гг.), который уже никак не влиял на политическую ситуацию в метрополии. Однако после свержения самодержавия младотурки, осознавая весомость фигуры халифа в международной политике, предпочли сразу не отказываться от использования халифской титулатуры — по крайней мере, при заключении международных договоров. Последней попыткой младотурок подчеркнуть идеологическую ценность статуса халифа стала их санкция Мехмеду V Решаду издать в начале Первой мировой войны *фетву*⁵ об объявлении священной войны (*джихада*) державам Антанты (11.11.1914). В ней он как халиф призвал всех мусульман выполнить свой священный религиозный долг и сражаться против англо-франко-российского альянса. Однако эта фетва, оглашенная в мечетях и распространенная по дар аль-исламу, была встречена с явным равнодушием. Так, в арабском мире мусульмане не испытывали никакого желания участвовать в Первой мировой войне и жертвовать собой во имя чуждых им европейских и турецких интересов.

Тем не менее союзники по Антанте, встревоженные тем, что османский халиф продолжал оставаться авторитетом в глазах последователей ислама, в общих чертах договорились о том, что халифат в его османском

⁴ *Дар аль-ислам* («обитель ислама») — территория, на которой, согласно нормам мусульманского права, осуществляется верховенство шариата как юридической системы.

⁵ *Фетва* (араб. *фатва* — «разъяснение») — богословско-правовое заключение по различным юридическим вопросам, вынесенное на основе шариата.

варианте должен уйти в небытие, а пост халифа следует «вернуть» арабам. Как промежуточный вариант в 1915 г. в британском и российском посольствах в Стамбуле даже обсуждался утопический проект преобразования халифата в лишенное светской власти карликовое государственное образование наподобие Ватикана, базирующееся либо в Стамбуле, либо в Дамаске [6. С. 343].

Среди союзников именно Великобритания проявила наибольший энтузиазм в отношении проекта создания «арабского халифата» под ее непосредственным надзором. Она контролировала гигантские территории с мусульманским населением на Индийском субконтиненте и в Северной Африке, а именно в Египте, который в канун британской оккупации в 1882 г. был одной из богатейших и обширных арабских провинций Османской империи. В последней четверти XIX и в первой четверти XX в. британские правительственные чиновники, их советники по внешнеполитическим вопросам, так же, как спецслужбы, работавшие на Форин-офис представители академического востоковедного сообщества и журналисты развернули кампанию по дискредитации «османского халифата» как «незаконного» с точки зрения мусульманского права института. Они делали упор на том, что Османы силой «захватили» халифат, придав ему наследственный, а не выборный характер, а также на том, что халифом должен быть непременно араб-курайшит — выходец из родного племени пророка Мухаммада, а не представитель дома Османов.

В русле антиосманской и проарабской парадигмы действий Великобритания взяла курс на поддержку сепаратистских устремлений в арабском мире, патронируя прежде всего мекканского шерифа Хусейна ибн Али⁶ и Саудилов, вождь которых Абд аль-Азиз (Ибн Сауд)⁷ при активном содействии Лондона стал самым могущественным лидером уже в послевоенной Аравии⁸.

Еще накануне «Великого арабского восстания» 1916–1918 гг. Хусейн ибн Али, на которого Британия уповала как на союзника в деле подрыва «османского халифата», строил тайные планы по отделению Западной Аравии от Османской империи. В 1916 г. он провозгласил себя «королем Хиджаза», также объявив себя «потомственным хранителем священных городов (Мекки и Медины)». Хотя вплоть до конца своего нахождения во власти Хусейн не упоминал о реставрации «арабского халифата», современникам было ясно, что принятая им титулатура «служитель священных городов» (*хадим аль-харамайн аш-шарифайн*) была ничем иным, как важной прерогативой халифа.

⁶ Хусейн ибн Али аль-Хашими (1853–1931), шериф Мекки (1908–1916 гг.), основатель и первый король Хиджаза с 1916 по 1924 г. из династии Хашимитов.

⁷ Абд аль-Азиз (Ибн Сауд) (1875–1953) — эмир Неджда в 1902–1926 гг.; король Неджда и Хиджаза в 1926–1932 гг.; первый король Саудовской Аравии в 1932–1953 гг.

⁸ О претензиях Ибн Сауда на роль лидера всех мусульман-суннитов и предпринятых им после Первой мировой войны шагах, направленных на «деполитизацию» движения за халифат, см. [7].

В 1924 г., в последний год своего правления, уже после отмены османского халифата, он все же титуловал себя «халифом мусульман», что, впрочем, не вызвало резонанса в арабском мире. Саудовские отряды, изгнавшие Хусейна из Мекки, положили конец притязаниям Хашимитов на халифат.

В предвоенные годы «арабский халифат» как политико-идеологический конструкт явился продуктом, с одной стороны, британской колониальной политики на арабской периферии Османской империи, а с другой — зарождавшегося арабского национализма. Направленная на сохранение целостности империи политика младотурок, которая основывалась на доктрине османизма с турецким националистическим подтекстом и перспективой отуречивания народов империи, оттолкнула арабских интеллектуалов Сирии, а позднее и Египта, усиливая их националистические умонастроения. После государственного переворота 1913 г. и перехода власти в Турции в руки младотурецкого «триумvirата» — Энвер-паши, Талаат-паши и Джемаль-паши — арабские националисты полностью разочаровались в «благоначинаниях» младотурецкого режима. В том же году на состоявшемся в Париже первом Арабском конгрессе они приняли политическую программу арабского национального движения и высказались в пользу административной автономии арабских провинций Османской империи [8. Р. 283–284].

В это же время жившие в более свободном в отношении цензуры Египте видные арабские идеологи, чьи взгляды представляли собой амальгаму исламских реформаторских и националистических идей, активно пропагандировали тезис, согласно которому халифом может быть избран только арабский лидер, а сам халифат — это прежде всего политический институт. Среди них особо выделялся египетский алим Мухаммад Рашид Рида (1865–1935), неистовый опровергатель османской трактовки халифата. Суммировав и систематизировав свои халифатистские предпочтения, он в 1922 г. опубликовал свой программный трактат — «Аль-Хилафа ау аль-имама аль-‘узма» (Халифат, или Верховный имамат) [9], который стал настоящим манифестом халифатистов. В нем Рида призывал восстановить «подлинную» концепцию халифата, которой, как он считал, нет равных среди других форм правления [10. Р. 153–186; 11. С. 69–83], и подчеркивал неоспоримые преимущества арабов перед турками в деле его возрождения [12]. По его убеждению, османы, не будучи курайшитами, узурпировали халифский титул и превратили халифат в институт репрессий и насилия. Египетский теолог рассматривал как возможные кандидатуры на халифский пост ваххабитского предводителя Абд аль-Азиза (Ибн Сауда), йеменского имама Яхью⁹ и мекканского шерифа Хусейна, с которым лично встречался как член египетской делегации, прибывшей в Западную Аравию

⁹ Яхья бен Мухаммад Хамид ад-Дин (1869–1948) — с 1904 г. имам зейдитов Йемена, с 1918 г. — правитель независимого Йеменского королевства.

в 1916 г., чтобы выразить солидарность с его решительным шагом — провозглашением независимости Хиджаза [13. С. 198].

В итоге бурных событий Первой мировой войны, несмотря на все дружные усилия арабских халифатистов, успех «Великого арабского восстания», вынужденное провозглашение Великобританией в 1922 г. независимости Египта и достижения Саудидов на пути объединения Аравии проекту «арабского халифата» так и не было суждено воплотиться в жизнь. Это, однако, не привело к тому, что вопрос о халифате был окончательно снят с международной повестки дня — как на Востоке, так и на Западе.

Идея халифата в Магрибе: тайная война османских специальных служб и французской дипломатии

В Магрибе вопрос о необходимости и легитимности халифата с начала Первой мировой войны приобрел характер противостояния разведывательных и политико-дипломатических структур Франции и Османского государства. Здесь концепция «арабского халифата» использовалась французскими колониальными кругами для дискредитации османских оппонентов и улучшения облика Франции во мнении мусульман Северной Африки и Сахеля. Наиболее удачной кандидатурой на пост халифа в Париже полагали султана Дальнего Магриба (Марокко) Мулай Юсуфа ибн Хасана (1912–1927 гг.). Этот правитель, согласно условиям Фесского договора о протекторате (1912 г.), сохранил свои формальные прерогативы и принадлежал к шерифской¹⁰ династии Алауитов. Между Алауитами и Османами в XVII–XIX вв. сложились неоднозначные отношения, приводившие к дипломатическому соперничеству и оспариванию суверенитета друг друга [14]. Относительная неудача османских призывов к джихаду против войск Антанты, бурные перипетии схватки британцев и турок за Дарданеллы, перспектива скорого, как тогда казалось, захвата Стамбула войсками Антанты побуждали Париж к формированию альтернативного халифата под своим патронажем. Эту идею в 1914 и начале 1915 г. продвигал маршал Франции и основатель протектората в Марокко Л.-Ю. Лиотэ¹¹ при поддержке министра иностранных дел Т. Делькассе¹². В пользу такого решения говорила и активная политическая работа британского правительства с Хусейном ибн Али и Саудидами на Ближнем Востоке.

¹⁰ *Шерифы* (араб. мн. *ашраф, шурафа*) — потомки пророка Мухаммада, пользующиеся особым почитанием в арабо-мусульманском мире.

¹¹ Луи-Юбер Лиотэ (1854–1934) — французский военачальник, маршал Франции (1921 г.), крупный идеолог и практик колониализма, первый генеральный резидент Франции в Марокко (1912–1925 гг.).

¹² Теофиль Делькассе (1852–1923) — французский государственный деятель, дипломат, министр колоний в 1893–1895 гг., министр иностранных дел в 1898–1905 и 1914–1915 гг., морской министр в 1911–1913 гг.

Однако проект создания «арабского халифата» на западных рубежах мусульманского мира так и не удалось реализовать. К этой неудаче привели провал Дарданелльской операции Антанты зимой 1915–1916 гг., осторожная политика Мулай Юсуфа, не желавшего ассоциировать свои халифские претензии с покровительством французских колонизаторов, слабая реакция на пропаганду «марокканского халифата» у населения Алжира и Туниса, и даже терминологическая неоднозначность понятия *халиф/халифа* в магрибинских диалектах арабского языка¹³. Косвенным свидетельством отказа Л.-Ю. Лиотэ и французского правительства от провозглашения халифата в Магрибе стало тайное соглашение Сайкса–Пико (1916 г.), которое передало Франции контроль над Сирией и Ливаном в обмен на предоставление Британии свободы маневра (в том числе и в реализации планов создания «арабского халифата») в Египте, Аравии, Ираке и других восточных арабских территориях.

Тем не менее, попытка Парижа придать духовное руководство миллионам мусульман Магриба и Сахеля была всерьез воспринята младотурецким руководством в Стамбуле. В 1914 г. комитет «Единение и прогресс» учредил «Особое формирование» (*Тешкилят-и махсуса*) под общим руководством одного из триумвиров — Энвер-паши. Агенты этой разведывательной и пропагандистской структуры распространяли воззвания Мехмета V как в османских провинциях, так и в мусульманских странах, находившихся под контролем Антанты. Османские военные миссии с 70-х гг. XIX в. тесно сотрудничали с Сенусией — основанным Мухаммадом ибн Али ас-Сенуси (1787–1859) обновленческим религиозным братством, которое пользовалось влиянием в Алжире, Тунисе, Ливии и сахарских территориях (Чад, Борну и др.) [16. С. 264]. Энвер-паша, командовавший османскими войсками в Ливии в ходе Триполитанской войны (1911–1912 гг.), и вождь сенуситов Ахмад аш-Шариф поддерживали дружеские отношения. Более 300 «братьев»-сенуситов прошли подготовку в османских военных училищах и руководили нападениями на британские силы в Египте из Ливийской пустыни [17. Р. 321–322; 18. Р. 55]. Сотрудники османской миссии, секретно расположившиеся на юге Испании, содействовали марокканским партизанам Ахмада ар-Райсуни¹⁴ в их вооруженном сопротивлении французской колонизации [19. Р. 457–461].

¹³ В Магрибе титул *халиф* или *халифа* нередко носили представители племенных и городских верхушек. Однако в североафриканском контексте он относился не столько к духовно-политическому преемнику Пророка, сколько к султанским наместникам в провинциях [15. С. 28]. В традиционном Марокко он особенно часто использовался для обозначения официальных представителей султана в столицах страны — Марракеше, Фесе и Мекнесе, а позже и в городе-порте Танжер, где располагались европейские дипломатические миссии.

¹⁴ Ахмад ар-Райсуни (ар-Райсули) (1871–1925) — вождь племенной конфедерации джбала в Рифе (Северное Марокко), организатор партизанской борьбы против франко-испанского колониального присутствия и султанской власти.

В своих операциях, направленных против задуманного в Париже «арабского халифата», османская разведка сделала ставку на симпатии к стамбульскому султану-халифу со стороны жителей Северной Африки. В алжирском и тунисском обществах начала XX в. образ Османской империи как глобальной защитницы дела ислама еще далеко не померк. Об этом говорит примечательное событие, произошедшее в 1911 г. в Алжире. Здесь из-за налоговых злоупотреблений колониальной администрации тысячи жителей г. Тлемсен, а также крестьян-*феллахов* из регионов Тебесса и Айн-Бейда повторили маршрут последних алжирских янычар XIX в. и героя антифранцузского сопротивления Абд аль-Кадир Алжирского (1808–1883). Они добровольно выселились в Малую Азию и Сирию [20. С. 435]. Другим кадровым резервом *Тешкилят-и махсуса* для подрывной работы в Магрибе оставались те местные мусульманские интеллектуалы, которые придерживались националистических и проосманских взглядов. Среди них выделялись своими знаниями и политической культурой лидеры младотунисского движения, по своим ценностям и устремлениям родственные младотуркам.

Наиболее известным противником «арабского халифата» в Магрибе зарекомендовал себя тунисский адвокат и активист движения младотунисцев Али Баш Хамба (1876–1918), который активно выступал против французского господства. В марте 1912 г. администрация протектората добилась его ареста и высылки из Туниса. Али выехал в Стамбул, где к нему присоединился его младший брат Мухаммад. Их имущество в Тунисе было конфисковано бейской полицией. Первоначально братья отказались от контактов с родиной, заявив, что «есть растения, которые можно сломать, но не согнуть» (цит. по: [21. С. 139]), и публиковали статьи антиколониального содержания в турецкой прессе. Однако с началом мировой войны Али выдвинул лозунг вооруженной борьбы и создания Североафриканской республики [22. С. 31]. В 1915 г. младотурецкое руководство назначило Али Баш Хамбу главой *Тешкилят-и махсуса*, и в османской спецслужбе возросло количество агентов и сотрудников из Северной Африки. Часть из них во главе с Мухаммадом Баш Хамбой обосновалась в Женеве, где они в 1916–1918 гг. издавали проосманский «Магрибинский журнал» (*La Revue du Maghreb*). Другая часть магрибинцев на османской службе подвизалась в Берлине. Здесь они трудились на благо германской разведки, разрабатывавшей планы «революционизации» исламского мира и антиколониального джихада [23. С. 39–40; 24. С. 98–99].

В берлинской диаспоре авторитетом пользовались тунисские богословы, преподаватели столичного исламского университета аз-Зейтуна — шейхи Исмаил ас-Сафайихи (1856–1918) и Салих Шариф ат-Туниси (1869–1920), а также египетский журналист и публицист тунисско-турецкого происхождения Абд аль-Азиз Джавиш (Шавиш) (1876–1929). Их воззвания, памфлеты

и трактаты носили пропагандистский характер и восхваляли османский халифат, а сами авторы усматривали преступный умысел в любых попытках оспорить его руководство мусульманами. Так, ат-Туниси в своей брошюре «Правда о Священной войне», опубликованной в Берне в 1916 г., именовал руководителей держав Антанты «подлинными варварами, слугами Сатаны» и призывал мусульман Северной Африки «подняться всем как один и следовать за знаменем халифа из блистательной семьи Османа вместе с его верными союзниками-немцами» (цит. по: [25. Р. 158–159]). В сентябре 1916 г. магрибинские сотрудники *Тешкилят-и махсуса* приняли участие в берлинском слете панисламистов. Здесь под патронажем германских востоковедов исламские ученые из Ирана, Центральной Азии, Афганистана и Северной Африки коллективно «переиздали» фетву османского шейх-уль-ислама Хейри-эфенди от 11 ноября 1914 г., призывавшую мусульман к борьбе за дело османского халифа [26].

Параллельно братья Баш Хамба организовали в южных провинциях Туниса несколько племенных бунтов под эгидой шейхов Сенусийи и при технической помощи кайзеровской агентуры (осень 1915 и весна 1916 г.). В 1917 г. Али Баш Хамба начал формировать в Стамбуле «североафриканскую бригаду» джихадистов и предпринял дипломатические шаги по перспективному признанию будущей Североафриканской республики. Однако военно-политический крах «центральных держав» обесценил все его усилия.

Столкновение представлений об «арабском халифате» у французских колонизаторов и об «османском халифате» на службе османских и германских военных не привело в Северо-Западной Африке к значительным военным успехам. Как Франция, так и Османское государство стремились использовать мобилизационный потенциал халифского призыва для сплочения магрибинцев и координации их оппозиции. Однако успех восстания Хусейна (1916–1918 гг.) и фактический раздел османских ближневосточных провинций по договору Сайкса–Пико предопределили маргинальный характер и низкую результативность халифатистского призыва с обеих сторон.

Сторонники халифата Южной Азии в выборе ориентиров: лабиринт между Османской и Британской империями

Направления поисков историко-культурной идентичности мусульманской общины Южной Азии предопределили два обстоятельства: падение Могольской империи и превращение Индии в британскую королевскую колонию вслед за подавлением сипайского восстания 1857–1859 гг. Потеря высшей государственной власти, освященной исламом, сделала актуальным обращение южноазиатских мусульман к идейному наследию и общественной мысли Ближнего и Среднего Востока. Идеи халифатизма послужили источником вдохновения для исламских мыслителей Индии,

сыграли заметную роль в становлении мусульманских общественно-политических движений и выработке принципов консолидации общины. Как и на Ближнем Востоке, исламская община Южной Азии была этнически разнородной и регионально разъединенной, политически пестрой и конфессионально не единой. Она включала в себя суннитов и шиитов, а также представителей мистико-аскетического течения в исламе (суфиев), что предопределило идейный спектр исламских движений Индостана. Сунниты составляли большинство [27; 28].

Начиная с последней четверти XIX в., политическое развитие Османской империи вызывало живой интерес в Британской Индии. На поддержку Османов были сориентированы самые различные мусульманские движения и организации [29]. Их стремление к интеграции с мусульманским миром усилилось в результате Триполитанской и Балканских войн (1911–1913 гг.) на фоне вовлечения Великобритании в антиосманскую деятельность Антанты накануне и во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Впоследствии расчленение территорий Османской империи по Севрскому договору (1920 г.) вызвало в Индии опасения по поводу судьбы халифа как главы суннитов и хранителя мусульманских святынь. Идея признания законности прав османских халифов на верховенство в общине суннитов получила широкое распространение среди мусульман Британской Индии. Она соединила в себе панисламские и антибританские мотивы и стала составной частью борьбы индийских мусульман за создание независимой государственности [30; 31].

Ориентация индийских мусульман на османского падишаха как на духовного главу была вызвана историческими и политическими причинами и содержала внутренние противоречия. С одной стороны, она предопределила настрой исламских лидеров Южной Азии в пользу халифатизма на «османской», а не на «арабской» культурной основе. С другой стороны, приоритетный характер связей исламской общины Индии с Османами нес в себе антибританскую направленность, но судьбы индийских мусульман находились в руках британских колониальных властей. Для многих представителей общины диалог с Великобританией и лояльность короне сулили реальные выгоды и представлялись залогом процветания мусульман Британской Индии.

Соответственно, индийские мусульмане, принадлежавшие к различным идейным течениям в исламе, занимали неодинаковые позиции в вопросе о правах османских султанов на звание халифа и духовное главенство в суннитском мире. Последователи Барелвийской школы¹⁵ и Алигархского

¹⁵ Барелвийская школа — религиозно-политическое движение, возникшее в Индии в 20-е гг. XIX в. под воздействием идей Сайида Ахмеда Барелви, сходных со взглядами Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба в Аравии.

движения¹⁶ были против признания этих прав. Мнения в Деобандском движении¹⁷ разделились: значительная часть деобандцев скептически отнеслась к притязаниям турок, в то время как близкие к Деобанду «Общество улама Индии» (*Джамият ул-улама-и Хинд*) и «Собрание ученых» (*Надват ул-улама*) заняли проосманскую позицию и примкнули к халифатистскому движению [32]. В Мусульманской лиге¹⁸ и других мусульманских кругах накануне и в годы Первой мировой войны возобладали леворадикальное крыло в лице его ведущих идеологов, таких, как Абул Калам Азад¹⁹, Мухаммад Али Джаухар²⁰ и Шаукат Али²¹, что привело к существенному распространению идей панисламизма, особенно посредством созданных или поддерживаемых ими печатных органов, таких, как «Мусульманская газета», «Комрад», «Заминдар», журнал «Аль-Хилаль» (Полумесяц).

Используя вовлеченность индийских мусульман в дела Османского государства, британские власти привлекли исламских деятелей Индии для того, чтобы предотвратить вступление османов в войну на стороне Германии. Так, лидер мусульман-исмаилитов и основатель Мусульманской лиги Ага-хан III (1877–1957) был приглашен в качестве посредника на переговоры с турецким послом в Лондоне Тевфик-пашой [33. Р. 132–133]. Президент мусульманской организации «Слуги Каабы» Абдул Бари 31 августа 1914 г. направил султану Мехмеду V Решаду телеграмму, в которой указывалось: «Учитывая веру и преданность индийских мусульман халифату, мы почтительнейше просим Ваше Величество или поддержать Британию, или сохранять нейтралитет в этой войне» (цит. по: [34. С. 51]). Когда же Османская империя все же вступила в войну на стороне Германии, панисламские организации в Британской Индии выступили с критикой младотурецкого правительства и позиционировали свою лояльность британской короне.

Вскоре радикальные панисламисты из Деобандского дар ул-улама, руководимые его главой Махмудом аль-Хасаном (1851–1920) и его ближайшим

¹⁶ Алигарское движение возникло на основе колледжа в Алигархе (1875 г.), в котором была воплощена идея современного мусульманского образования.

¹⁷ Деобандское движение развивалось на базе Деобандского *дар аль-улама* (араб. букв. дом знаний) — крупнейшего в Индостане мусульманского религиозного и академического центра, основанного улама-ханифитами в 1867 г., и отстаивало во главе со своим лидером Махмудом аль-Хасаном традиционалистский комплекс ценностей.

¹⁸ Всеиндийская мусульманская лига — политическая партия, основанная в 1906 г. для защиты интересов мусульман Южной Азии, впоследствии призывавшая к выделению из состава Британской Индии мусульманского государства.

¹⁹ Абул Калам Азад (1888–1958) — индийский политический деятель, журналист, писатель и ученый, лидер движения за независимость Индии, сторонник индусско-мусульманского единства.

²⁰ Мухаммад Али Джаухар (1878–1931) — индийский мусульманский активист, журналист и поэт, один из лидеров халифатистского движения.

²¹ Шаукат Али (1873–1938) — индийский мусульманский политик, активист халифатистского движения, старший брат Мухаммада Али Джаухара.

сподвижником и учеником Убайдуллою Синдхи (1872–1944), занялись подготовкой вооруженного антианглийского восстания среди пуштунских племен. Они получили в этом поддержку со стороны Германии и Афганистана. В августе 1915 г. Убайдулла Синдхи направился в Кабул по поручению Махмуда аль-Хасана с целью убедить афганского эмира Хабибуллу поддерживать османов в войне. Халифатисты Мухаммад и Шаукат Али оказывали финансовую поддержку руководителям заговора. Из воспоминаний деятеля Мусульманской лиги Чоудхури Халикуззамана известно, что после вступления Стамбула в войну братья Али отправились в зону расселения пуштунских племен на северо-запад Индостана и выступали там с призывами к вооруженной борьбе против англичан [35. Р. 30–32].

Панисламизм нашел сторонников не только в среде мусульманских деятелей провинций Британской Индии, но и среди правителей мусульманских княжеств на территории Южной Азии. Мусульманские князья, которые (как и абсолютное большинство их подданных) были суннитами, после исчезновения Могольской империи считали османского султана-халифа высшей религиозной инстанцией. Мусульманские правители княжеств Индостана (навабы, султаны, ханы, вали, мехтары, джамы) ежегодно делали богатые пожертвования для поддержания святынь Мекки и Медины, регулярно совершали хадж. Особой поддержкой идеи панисламизма пользовались в крупнейшем индийском княжестве Хайдарабад, а вслед за ним и в Рампуре, Бхопале, Наванагаре, Калате и в ряде других княжеств, ориентированных на политику правителя (*низам*) Хайдарабада. Низам Осман Али-хан (1886–1967, правил в 1911–1948 гг.) был приверженцем защиты прав халифа и османской государственности. Он стремился во всем подражать османским порядкам и следовал культурным стереотипам абдулхамидовской эпохи.

Низам Хайдарабада де-факто считался главой общины суннитов в Индии, и именно к нему обратился в 1914 г. вице-король лорд Ч. Хардинг (1858–1944, вице-король в 1910–1916 гг.) с просьбой призвать своих единоверцев проигнорировать призыв османского халифа к джихаду и выступить на стороне Великобритании. Низам, как и другие князья-мусульмане, оказался в трудном положении. «Первая мировая война была периодом испытаний для мусульман, так как Турция была на другой стороне. Они чувствовали себя беспомощными и не могли ничего поделать», — отмечал Джавахарлал Неру [36. С. 104]. Интересный комментарий по этому поводу дает американский историк С. Уолперт в биографическом очерке о М.А. Джинне²²: «В ноябре 1914 г., когда султан Османской империи решил связать судьбу и могущество своей страны с державами, противостоящими

²² Мухаммад Али Джинна (1876–1948) — мусульманский политик Британской Индии. Почитается в Пакистане как отец-основатель пакистанской государственности и великий вождь (*каид-и а'зам*).

Великобритании, лояльность мусульман Индии подверглась серьезному испытанию. Султан, считавшийся главой исламского мира и „наместником Аллаха“, почитался далеко за пределами Османской империи. Британская разведка опасалась, что низам Хайдарабада, ведущий князь Индии, вскоре попытается закупить турецкие винтовки для возможного использования в ходе „панисламского восстания“ в Южной Азии. Однако подобные слухи оказались беспочвенными» [37. С. 37].

Низам, заинтересованный в сохранении близких и доверительных отношений с британским королевским домом, с одной стороны, и недовольный изменениями во внутренней политике Османской державы с приходом младотурок — с другой, занял проанглийскую позицию, чем снискал особое расположение короля Георга V [38. С. 35]. Он издал манифест, ориентировавший мусульман Индии на полную поддержку британской короны в войне, и обеспечил успех вербовочной кампании среди мусульманской части населения. В манифесте, в частности, говорилось: «В связи с начавшейся войной в Европе да будет всем известно, что мусульмане Индии готовы всецело поддержать усилия британской короны, которая неизменно обеспечивала им стабильность и процветание. Британское правительство всегда было и будет самым надежным другом ислама, защищающим интересы своих подданных-мусульман» [39. С. 6].

В конечном итоге мусульмане Южной Азии, хранившие память о временах своего бывшего величия, когда они держали под контролем просторы субконтинента и диктовали свою волю численно превосходившим их индусам, а также другим конфессиональным группам региона, трансформировали этот опыт предков в концепции возрождения могущества мусульманских династий и расширения их участия в управлении мусульманским миром.

Заключение

Бурные перипетии и многослойные интриги эпохи Первой мировой войны способствовали концептуализации двух противостоящих версий идеи халифата. Даже тогда, когда Османская держава встречала свои последние дни, стамбульский двор и младотурецкие лидеры непрерывно держали в поле зрения непрекращавшиеся нападки на «османский халифат». Османские элиты в 1914–1918 гг. расценивали поборников «арабского халифата» как марионеток европейских спецслужб, неблагонадежных подданных, если не заговорщиков. В Стамбуле полагали, что арабский национализм не только расшатывает основы империи или нацелен на ее расчленение и уничтожение, но и намеренно препятствует интеграционным процессам в дар аль-исламе в целом. На деле, как это случилось в Магрибе, происходило и обратное — так, неприятие младотунисцами излишеств французского

господства привело их в ряды османской разведки, с которой они быстро нашли общий язык.

Как бы отвечая на духовно-политические вызовы военных лет, Южная Азия породила исламских мыслителей, получивших отклик за пределами своего субконтинента. Их идейное наследие уже после войны обрело трансграничное звучание и оказалось востребованным как при их жизни, так и до настоящего времени. Тем не менее, следует отметить растущее расподобление панисламистов-халифатистов, приверженцев идеи всемирного халифата, и сторонников «мусульманского национализма», выступавших за создание отдельной государственности для мусульман Южной Азии.

Проосмански настроенные интеллектуалы — защитники «османского халифата» приложили много сил и энергии для того, чтобы опротестовать аргументы своих оппонентов и с помощью извлечений из священных исламских текстов доказать их слабость или несостоятельность. Их призывы к опоре на халифат Османов как на единственный институт, способный сплотить разноликие мусульманские народы в единую *умму*, канули в лету, как только сам османский халифат ушел в небытие. Но даже в «темный исторический час», когда европейцы вступали в Стамбул, колониализм находился в зените, а безвольные султаны-халифы готовились уступить свое место вождям республиканского секуляризма, идея халифата оставалась болевой точкой мусульманской идентичности. Универсализм представлений о халифате и многозначность священных текстов дали возможность новым исламским идеологам выразить свои чаяния в их ближневосточном, североафриканском и южноазиатском вариантах.

Библиографический список

1. *Ланда Р.Г.* Политический ислам: предварительные итоги. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2005. 286 с.
2. *Landau J.M.* The Politics of Pan-Islam: Ideology and Organization. London: Clarendon Press, 1990. 438 p.
3. *Deringil S.* The Well-Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire, 1876–1909. London; New York: I.B. Tauris, 1998. 260 p.
4. *Landau J.* The Hejaz Railway and the Muslim Pilgrimage: A Case of Ottoman Political Propaganda. Detroit: Wayne State University Press, 1971. 294 p.
5. *Özyüksel M.* The Hejaz Railway and the Ottoman Empire: Modernity, Industrialisation and Ottoman Decline. London; New York: I.B. Tauris, 2014. 300 p.
6. *Ardıç N.* Islam and the Politics of Secularism: The Caliphate and Middle Eastern Modernization in the Early 20th Century. London; New York: Routledge, 2012. 390 p.
7. *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* В поисках потерянного времени: Конгресс исламского мира 1926 года в Мекке // Электронный научно-образовательный журнал История. 2023. Т. 14. № 10. С. 1–20.
8. *Hourani A.* Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939. Cambridge; London; New York: Cambridge University Press, 1983. 406 p.

9. *Рида Мухаммад Рашид*. Аль-Хиляфа ау аль-Имама аль-'узма (Халифат, или Верховный имамат). Каир: Аль-Матба'а аль-джадида, 1975. 246 с.
10. *Kerr M.H.* Islamic Reform: The Political and Legal Theories of Muhammad 'Abduh and Rashid Rida. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1966. 249 p.
11. *Enayat H.* Modern Islamic Political Thought. The Response of the Shi'i and Sunni Muslims to the Twentieth Century. London: Macmillan Press, 1982. 225 p.
12. *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Халифатизм в эпоху крушения Османской империи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 4. С. 327–337.
13. *Kayali H.* Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1997. 291 p.
14. *El-Moudden A.* The Idea of the Caliphate between Moroccans and Ottomans: Political and Symbolic Stakes in the 16th and 17th Century-Maghrib // *Studia Islamica*. 1995. Vol. 8. № 2. P. 103–112.
15. *Ardıç N.* The «Maghreb Caliphate» between Colonialism and Panislamism // Proceedings of the International Congress on «The Maghreb and the Western Mediterranean in the Ottoman Era». Rabat, 12–14 November 2009. İstanbul: IRCICA, 2013. P. 21–33.
16. *Karpat K.* The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. New York: Oxford University Press, 2001. 533 p.
17. *Abun-Nasr J.* A History of the Maghrib in the Islamic Period, Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 455 p.
18. *Kramer M.* Islam Assembled. The Advent of the Muslim Congresses. New York: Columbia University Press, 1986. 250 p.
19. *Burke E.* Moroccan Resistance, Pan-Islam and German War Strategy, 1914–1918 // *Francia*. Munich, 1975. Vol. 3. P. 434–464.
20. *Lacoste Y., Nouschi A., Prenant A.* L'Algérie: passé et présent. Le cadre et les étapes de la constitution de l'Algérie actuelle. Paris: Éditions sociales, 1960. 462 p.
21. *Mahjoubi A.* Les origines de mouvement national en Tunisie. 1904–1934. Tunis: Publications de l'Université de Tunis, 1982. 698 p.
22. *Видясова М.Ф.* Тунис. Маршрут в XXI век. М.: Садра, 2018. 696 с.
23. *Жерлицына Н.А.* Страны Магриба в Первой мировой войне: между лояльностью метрополии и панисламистскими симпатиями // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С. 39–45.
24. *Tlili B.* La Grande Guerre et les questions tunisiennes: le groupement de la *Revue du Maghreb* (1916–1918) // *Cahiers de Tunisie*. 1978. № 26 (101–102). P. 91–108.
25. *Abd al-Mawla M.* Jihad et colonialisme. La Tunisie et la Trpolitanie (1914–1918): de la guerre sainte à la guerre juste. Tunis: Éditions Tiers-Monde, 1987. 180 p.
26. *Heine P.* Salih ash-Sharif at-Tunisi, a North African Nationalist in Berlin during the First World War // *Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée*. 1982. Vol. 33. P. 89–95.
27. *Ahmad A.* Studies in Islamic Culture in the Indian Environment. Oxford: Clarendon Press, 1964. 311 p.
28. *Hardy P.* The Muslims of British India. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 315 p.
29. *Shukla R.L.* Britain, India and the Turkish Empire. 1853–1882. New Delhi: People's Publishing House, 1973. 262 p.
30. *Communal and Pan-Islamic Trends in Colonial India*. Ed. by M. Hasan. New Delhi: Manohar, 1985. 444 p.
31. *Islam and Indian Nationalism: Reflections on Abul Kalam Azad*. Ed. by M. Hasan. New Delhi: Manohar, 1992. 189 p.
32. *Minault G.* The Khilafat Movement: Religious Symbolism and Political Mobilization in India. Delhi: Columbia University Press, 1982. 294 p.
33. *Aga Khan.* The Memoirs of the Aga Khan: World Enough and Time. New York: Simon and Schuster. 1954. 367 p.

34. Пономарев Ю.А. История Мусульманской лиги Пакистана. М.: Наука, 1982. 302 с.
35. *Khaliquzzaman Ch.* Pathway to Pakistan. Lahore: Longmans, Pakistan Branch, 1961. 432 p.
36. Неру Дж. Открытие Индии / пер. с англ. В 2 кн. Кн. 2. М.: Политиздат, 1989. 507 с.
37. *Wolpert S.* Jinnah of Pakistan. Karachi: Penguin Books, 2005. 480 p.
38. *Copland I.* The Princes of India in the Endgame of Empire. 1917–1947. Cambridge: Cambridge University press, 2002. 391 p.
39. Ruling Princes and Chiefs of India. A Brief Historical Record of the Leading Princes and Chiefs of India together with a Description of Their Territories and Methods of Administration. By Sir W. Lawrence. Reprint Edition. Lahore: Sang-e-Meel Publications, 2005. 416 p.

Информация об авторах:

Кириллина Светлана Алексеевна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1), e-mail: kirillina@iaas.msu.ru. ORCID: 0000-0001-5769-3715 ELibrary SPIN-код: 2492–5979

Сафронова Александра Львовна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1), e-mail: alsafronova@iaas.msu.ru. ORCID: 0000-0003-1554-3449 ELibrary SPIN-код: 6189–7121

Орлов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1), e-mail: orlov@iaas.msu.ru. ORCID: 0000-0002-2649-5422 ELibrary SPIN-код: 6318–4102